

**Общинное и индивидуальное
в художественном языке У. Фолкнера и А. Платонова
Чернушкина Наталья Сергеевна**

аспирантка

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: natrech@mail.ru

У. Фолкнер (1897–1962) и А. Платонов (1899–1951) признаны экспериментаторами и мастерами стиля, исследующими через язык стремительно меняющуюся культурную и психологическую реальность. Оба обращаются к изначальным понятиям, ищут ответы на экзистенциальные вопросы, во многом спровоцированные сложным временем. 1920–30-е гг. (когда создаются основные произведения Фолкнера и Платонова) переломные и для России, пошатнувшейся от войн, революций и смены власти, и для Америки, потрясенной сложнейшими экономическими кризисами. На первый план в творчестве того времени обоих писателей выходит вопрос о самоопределении человека в мире, о его отношении с другим или другими. Интимное переживание ситуации перелома (развал старого, устоявшегося и переход к новому, еще не ставшему) побуждает и Фолкнера и Платонова к поиску новых художественных средств для выявления и передачи этих процессов, призывая к экспериментам со словом, манерой письма, голосом.

Ключевым для обоих писателей оказывается понятие «голос», имеющее, по меньшей мере, три измерения: физическое, социальное и метафизическое. Соответственно:

1) Голос – это проявление «внутреннего человека», зов индивидуальности, средство выражения себя индивидом;

2) Голос – это способ коммуникации, канал общения между людьми;

3) Голос – трансцендентальное явление, осуществляющее связь всего и вся, и тем самым являющееся категорией бытия, дающей человеку возможность выхода за пределы своего «я» и возможность осуществлять связь со всем мирозданием.

Одна из очевидных характеристик фолкнеровского универсума – присутствие в тексте примет «устности», подразумевающих наличие звука и голоса. Мир Йокнапатофы моделируется писателем как сообщество непосредственной коммуникации, как среда устного дискурса. Интересно, что романы Фолкнера 1920х гг. по сути, представляют собой соединение разных монологов. К примеру, в романе «Шум и ярость» (1929) перед читателем три монолога: Бенжи, Квентина и Джеймса Компсонов. В романе «Свет в августе» (1932) историю Лины Грув мы узнаем от нее самой, историю Хайтауэра рассказывает «город», о пожаре и убийстве Джоанн Берден повествует сначала Байрон Банч, сама о себе и о своей семье говорит Джоанна, и о самом же себе рассказывает нам Джо Кристмас.

Исследователи Платонова неоднократно обращали внимание на элементы сказа (Л.А. Шубин, В.Ю. Вьюгин и др.) в его произведениях 20-х годов и на многоголосье и диалогичность его произведений в целом. «Характерно, что Г.З. Литвин–Молотов в отзыве на один из вариантов романа «Чевенгур» («Строители страны») упрекал Платонова за обилие разговоров, при помощи которых развивается действие. Дело не в том, как думал Литвин–Молотов, что Платонову не давалось изображение действия. Диалоги преобладают прежде всего потому, что они есть «действие», подлинное действие произведений Платонова – поиски смысла жизни» [Шубин: 197].

Применительно к произведениям Фолкнера и Платонова 1920х гг. понятие «голос» позволит нам затронуть тему общинного и индивидуального у обоих писателей и проследить, в какой связи оказываются слово, голос, индивид, сообщество и мир.

В структурном отношении художественные миры Фолкнера и Платонова (в произведениях указанного периода) схожи, т.к.: в них создается особое «голосовое пространство», в котором раздаются всевозможные голоса (людей, животных, птиц, насекомых, предметов неживого мира). В этом пространстве действуют и персонажи обоих писателей.

Персонажи–искатели Платонова принципиально открыты этой среде. Они активно вслушиваются в голоса мира, природы, других людей, и воспринимают эти голоса, скорее, как голоса помощников, носителей отголосков высшего голоса – голоса истины или бытия. Соответственно, чем больше таких голосов индивид вместит в себя, тем больше у него шансов приобщиться к единственно верному голосу и обрести себя.

Однако в художественном мире Платонова намечается амбивалентное отношение к общинному голосу, голосу «мы». С одной стороны, приобщение к голосу «мы» дает индивиду ощущение единения с другими, а с другой стороны, означает потерю индивидуальности, потерю собственного голоса. Но, по Платонову, и в голосе сообщества есть доля истины, однако основные платоновские герои не идут по пути большинства, они стараются не ограничиваться голосом одной общины, а вслушиваются в весь мир как целое.

В фолкнеровском мире также выявлена эта оппозиция: голос индивида, противостоящий голосу сообщества, и отношение к этому голосу так же амбивалентно, как и у Платонова: либо индивид сливается с властным голосом общины и теряет себя, либо он ему сопротивляется, и таким образом сохраняет свою индивидуальность.

Однако Фолкнер принципиально по-другому выстраивает отношения между двумя индивидами. Если у Платонова «другой» – это обычно помощник, то у Фолкнера «другой» – это противник. Повышенное сознание важности собственного голоса как единственного надежного прибежища приводит к тому, что персонажи воспринимают «другого» как незваного гостя, вторгающегося в их мир и претендующего на какую–то часть этого мира. Диалог, таким образом, нередко превращается в сражение, позволяющее персонажу противопоставить себя другим и тем самым укрепить собственный голос, а значит – обрести почву под ногами. Отсюда принципиальная интровертность персонажей, погруженность в себя, вслушивание в себя.

В выигрышном положении оказывается фолкнеровский читатель, поскольку именно ему предоставляется возможность «склеивать» мир, вслушиваться в разные голоса и получать, возможно, максимально объективное представление.

Литература

Вьюгин В.Ю. Андрей Платонов: Поэтика загадки. СПб., 2004.

Шубин Л. Поиски смысла отдельного и общего существования. М., 1987.